

КЛАССНАЯ КЛАССИКА

Юрий Коваль

ПЯТЬ ПОХИЩЕННЫХ МОНАХОВ

М Machaon

Юрий Иосифович Коваль
Пять похищенных монахов
Серия «Классная классика»
Серия «Приключения
Васи Куролесова», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144804
Пять похищенных монахов. повесть: Махаон, Азбука-Аттикус;
Москва; 2024
ISBN 978-5-389-25343-8*

Аннотация

Эта увлекательная история началась одним весенним днём в самом обыкновенном московском дворике. Пропали пять монахов – пять породистых голубей, которые жили на крыше дома номер семь в старинном резном буфете. Вернее, голуби не пропали – их украли. Но кому могли понадобиться эти невинные и прекрасные птицы, восхищающие людей своим свободным, стремительным полётом? Вот это-то и хотят выяснить мальчишки Крендель и Юрка. Юных сыщиков ждут необыкновенные приключения – весёлые, порой даже опасные – с погонями, перестрелками, преследованиями...

Содержание

«Всё, что я мог бы сказать взрослым, я говорю детям...»	7
Часть первая	15
Дорогу новому	16
«Некому берёзку заломати...»	22
Бабушка волк	26
Над городом	34
Ключ и молоточек	38
Тимоха-голубятник	41
Следы в подъезде	45
Сон жильца	50
Четырнадцать подушек	54
Появление гражданина Никифорова	59
Бегство и страх гражданина Никифорова	63
Телевизоры и монахи	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юрий Иосифович Коваль

Пять похищенных монахов

повесть

© Коваль Ю. И., наследники, 2024

© Муратова Е. Л., иллюстрации, 2024

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024 Mashaon®

* * *

«Всё, что я мог бы сказать взрослым, я говорю детям...»

Юрий Иосифович Коваль (1938–1995) был очень разнообразным человеком – не только писателем, но и художником, скульптором, музыкантом, сценаристом, учителем. В работе он нередко совмещал свои таланты: создавал иллюстрации к собственным книгам, сочинял и исполнял песни, придумывал для школьников стихотворения для запоминания грамматических правил. Эта творческая многогранность нашла отражение и в литературных произведениях Ковалёва. Его повести и рассказы будто написаны яркими красками и метко подобранными оттенками: «*синий* весенний день», «*багровый* огонь», «*серовато-солнечного* цвета крылья», «*фиолетовый* переулок», «*воробьи цвета просёлочной дороги*». Как говорил сам Коваль, писатель – это, в сущности, художник, который создаёт свои «картины» с помощью слов.

Будущий автор детских книг родился в Москве – городе, который не раз появится в его произведениях. Мама Юры была врачом-психиатром и работала в больнице, а отец служил в милиции в отделе уголовного розыска. Несмотря на опасную работу, он обладал хорошим чувством юмора и был прекрасным рассказчиком. По вечерам Юра вместе

с братом Борей любил слушать истории о раскрытии преступлений, поиске улик, аресте бандитов... Много лет спустя это отразится в юмористической детективной повести Ковалёва «Приключения Васи Куролесова» (1971). Её главный герой становится жертвой мошенника Курочкина, но потом вместе с капитаном милиции Болдыревым и старшиной Таракановым отслеживает и задерживает преступника, а также его сообщников. Отцу писателя повесть очень понравилась. Он гордился сыном и в шутку говорил, что «подсказал» ему столь интересный сюжет. Впрочем, Юрий с этим не спорил: фамилии Куролесова и Болдырева он действительно позаимствовал из рассказов отца. Так звали сыщиков, вместе с которыми он работал.

С уже повзрослевшим Васей и его товарищами мы встречаемся на страницах книги, которую вы держите в руках, — «Пять похищенных монахов» (1976). Правда, её центральными персонажами являются мальчик Юра и его старший брат, которого все называют Кренделем. Такое прозвище он получил за то, что постоянно горбился, стесняясь своего высокого роста. Два неразлучных героя немного напоминают самого писателя (недаром имена у них одинаковые) и его брата Борю, который был на 8 лет старше. Несмотря на такую разницу в возрасте, братья были близкими друзьями: вместе ездили на дачу, ходили по утрам на рыбалку и даже хранили от родителей общие секреты.

Герои повести тоже всё делают вместе, не всегда сооб-

щая об этом взрослым. Например, уезжают на электричке в город Карманов, чтобы отыскать украденных голубей породы монах и голубиноного парикмахера (бывают, оказывается, и такие!). Как настоящие сыщики, Юра и Крендель проводят собственное расследование. Они находят улику на месте преступления и проверяют список подозреваемых: Тимоху из соседнего дома, загадочного Жильца из 29-й квартиры и гражданина Никифорова, случайно оказавшегося неподалёку. Цепь рассуждений ведёт наших героев на кармановский колхозный рынок, где им действительно удаётся найти пятерых монахов. Правда, совсем не тех, которых они искали...

За приключениями неутомимых ребят и отважных милиционеров внимательный читатель разглядит и «главную героиню» повести Ковалёва. Это Москва прошлого века с её уютными переулками и старинными домами с голубятнями, которые теперь можно увидеть только в фильмах и на фотографиях. Любимый город писателя оживает в нашем воображении, расцветая красками его богатой палитры.

Любовь к словесному творчеству проявилась у Ковалёва довольно рано. Вместе с друзьями он сочинял шуточные и лирические стихи прямо на уроках в школе. Его студенческие рассказы часто печатались в институтской газете, что уже говорило о незаурядном таланте. Однако сам Ковалёв не был доволен своими текстами, а потому усиленно занимался живописью. Проработав после института несколько лет в сель-

ской школе в Татарстане, он привёз в Москву написанные там картины и рассказы. Если первые были высоко оценены столичными художниками, то вторые автор так и не решился опубликовать. И всё же Коваль продолжал работать над стилем собственной прозы, сотрудничал с журналами «Детская литература» и «Мурзилка». Отправляясь по заданию редакции в командировку на пограничную заставу, он под впечатлением от увиденного написал повесть «Алый» (1968) о новобранце Кошкине и его верном псе. Именно тогда, как признавался Коваль, ему удалось «поймать прозу за хвост».

Это был первый, но далеко не последний успех писателя в детской литературе. Вскоре после него вышел сборник рассказов «Чистый Дор» (1970), повесть «Недопёсок» (1975), уже известный нам цикл книг о Васе Куролесове... По произведениям Ковалья снимались мультфильмы и кинокартины, для которых автор писал не только сценарии, но и песни. Долгие годы Юрий Иосифович вёл семинары для начинающих детских писателей в журнале «Мурзилка». Неугомонный и трудолюбивый, он никогда не навязывал молодым коллегам своё мнение, помогая раскрыться их таланту и показывая собственным творчеством, что «воспитание чувства юмора – это в конечном итоге воспитание свободы души».

Антон Филатов,

кандидат филологических наук

Возле дома номер семь гражданин Никифоров приостановился.

Он закинул на плечо сельскохозяйственные грабли, которые обычно носил с собой, и оглядел толпу, собравшуюся у ворот. Толпа эта увлекала, притягивала к себе. В ней были мужчины и женщины, которые шептались и выкрикивали.

Если б это была молчаливая мужская толпа, гражданин Никифоров ни секунды бы не задержался, а тут захотелось затесаться в толпу, пошептаться с кем-нибудь, крикнуть своё.

Гражданин затесался с краешку, и сразу же какой-то небритый шепнул ему на ухо:

– И что ж, их прямо в рясе повели?

– Не знаю, – вздрогнул гражданин.

Его напугали эти неприятные слова. Слова «ряса» он недопонял, а что такое «повели», сразу догадался.

– Ага, в рясе, – громко сказал верзила без шляпы. – Идут рядышком пять монахов, а руки цепями скованы.

– Вывели из подворотни и – в жёлтый фургон.

– Чего ты болтаешь! Какой фургон! У них денег полный чемодан!

– Да разве вы не слышали? В Перловке монахи чёрные об-
явились, три мешка золота унесли.

– Какие монахи! Какое золото! У нас монахи только у Кренделя, а у него их всех спёрли.

– Кого?

– Монахов! Спёрли и в корзинке унесли!

– Да разве они залезут в корзинку?

– Тьфу! – плюнул гражданин Никифоров и подумал про себя: «Не надо мне было сюда затёсываться. Тут можно в историю влипнуть». Он сделал шаг в сторону и наткнулся на старушку, пристально его разглядывающую.

– А ну-ка постой, голубок, – сказала старушка, плечом загораживая дорогу. – А не ты ли лазил в буфет? Зачем ты бледнеешь?

Смертельно тут побледнел гражданин Никифоров и побежал со всех ног.

Часть первая

Пятница

Дорогу новому

Был синий весенний день, который клонился уже к вечеру.

От асфальта, нагретого солнцем и омытого дворниками, пахло черёмухой.

Все окна в нашем доме были распахнуты, и кое-какие жильцы выглядывали во двор. Одно окно на втором этаже было крепко заперто шпингалетами, и оттуда сквозь светлое стекло глядела на улицу пыльная собака Валет.

Из окна на первом этаже, которое сплошь заросло зелёным луком, слышался голос:

– Где моя курица?

– Она висит между дверями, – раздражённо ответили из глубины квартиры.

– Вечно она вешает курицу между дверями, – сказал Крендель. – По-моему, это глупо.

– Ещё бы, – ответил я.

Мы стояли посреди двора, под американским клёном, на ветвях которого качался коричневый чулок.

– А ты, Крендель, молчи! – крикнула Райка Паукова, высовываясь из-за зелёного лука. – Вот дом снесут и буфет сломают!

Крендель посерел. Буфет был его больным местом.

– Как хотите, а я не выселюсь! – крикнула тётя Паня с пятого этажа.

– Второй год сижу на чемоданах, – сказала Райка. – Ещё и не знаю, куда переселят. Загонят в Бирюлёво.

– Я в Бирюлёво не поеду, – сказала тётя Паня. – Там все дома белые.

– Дом подлежит сносу, – подал голос дядя Сюва с третьего. – А раз подлежит – следует его сломать. Старое на слом! Надо дать дорогу новому.

– Мне и в старом хорошо, – высказалась тётя Паня.

– Кому это нужно сносить наш дом? У нас даже лифт есть, в первом подъезде.

– И кабина совсем новенькая! В ней можно на Марс улететь.

– А вдруг не снесут? – сказал Крендель. – Вдруг передумают? Обещались к маю снести, а не сносят.

– Снесут, снесут, и буфет с крыши скинут, – добавила Райка, мстительно выглянув из окна.

Крендель невольно глянул вверх. Там, на крыше, прямо под облаками, стоял старинный резной буфет. Он хорошо был виден с тротуара, и прохожие подолгу раздумывали, в чём его смысл. Но когда появлялся на крыше Крендель, распахивал дверцы – в небо вылетали пять голубей.

– Голубятня! – удивлялись прохожие. – Уголок старой Москвы!

– Надо дать дорогу новому, – толковал дядя Сюва. – Новое идёт на смену старому.

– А в новых домах, – сказала Райка, – голубей держать не разрешается.

Она нервно наломала зелёного лука и спряталась в глубине квартиры.

– А я на балконе буду держать. На балконе-то, наверно, можно. Верно, Юрка?

– Ещё бы, – ответил я.

Крендель повеселел и достал из кармана губную гармошку «Универсаль».

– Что это всё – гитара да гитара, – сказал он. – Есть ведь и другие музыкальные инструменты.

Он приложил гармошку к губам. Казалось, он примери-

вается съесть её, как сверкающее пирожное.

– Сыграй что-нибудь душевное, Кренделёк, – сказал дядя Сюва, и Крендель дунул в басы.

Шипящее, гудящее дерево музыки выросло рядом с американским клёном, и сразу же Райка прикрыла окно, дядя Сюва стал смешно дирижировать толстыми пальчиками, а возле третьего подъезда остановился Жилец из двадцать девятой квартиры, только что вошедший с улицы во двор.

«Некому берёзку заломати...»

Об этом Жильце надо бы рассказать подробнее, потому что в первую очередь подозрения упали на него. Но упали они немного позднее, примерно через час, а в тот момент Жилец из двадцать девятой квартиры стоял у подъезда, слушал музыку и был пока вне подозрений. Впрочем, стоял он понуро, плечи его были опущены, голова в плечи втянута, будто он боялся, что на него что-нибудь упадёт.

Вдруг он расправил плечи, более гордо поднял голову и пошёл прямо к нам. Однако подойти к нам было не просто. Уже не дерево, а заросли музыки, колючие кусты вроде шиповника выдувал Крендель из губной гармошки. Жилец с трудом продирался через них, трещал его плащ, а Крендель играл всё сильнее, стараясь превратить эти заросли в джунгли.

– Разрешите, – сказал Жилец и протянул руку.

– Что такое? – не понял Крендель, отрывая гармонь ото рта.

– Музыка утоляет печаль, – сказал Жилец и мягко отобрал музыкальный инструмент. Вынул из кармана носовой платок с фиолетовыми цветочками, аккуратно протёр им гармонику и после приложил её к губам. Он не всунул её грубо в рот, как это делал Крендель, а сложил губы бантиком и бантик приблизил к ладам-окошечкам. Гармошка удивлён-

но прошептала: «Финкельштейн».

Жилец недовольно покачал головой и снова принялся протирать и продувать гармошку. Затем сложил из губ ещё более красивый бантик, глаза его увлажнились, и тихо-тихо, тоскливо и томительно он заиграл: «Некому берёзку заломати...»

И джунгли Кренделя сразу увяли, кусты поникли, листья опали, улеглись под американским клёном, и как-то само собой возникло вокруг нас золотое поле пшеницы и берёзка, трепещущая на ветру. Играя, Жилец глядел в небо, слегка раскачивался и в своём зелёном плаще был похож, в конце концов, на берёзку, которую никто не любит и не хочет почему-то заломати.

Тётя Паня свесилась из окна поглядеть, кто это играет, опечалилась за стеклом собака Валет, и даже Райка хмуро глянула из-за зелёного лука, оправив волосы. Замахал под музыку ветвями американский клён – единственное наше дерево, а дом наш, старый, пятиэтажный, помрачнел, раздумывая над словом «заломати».

– Прямо за душу берёт, – сказал дядя Сюва, – и держит. – Он сморщил лицо и сжал рукой горло. – Всю душу изранил, – сказал он. – Ну не бери же ты меня так за душу! Прошу:

не бери!

Ласково, как плющ, музыка оплетала этажи, и под её аккорды во двор с улицы вошла сухонькая старушонка в чёрном пальто. Она остановилась посреди двора и подняла к небу указательный палец.

Это была бабушка Волк.

Бабушка волк

В роговых очках с толстыми линзами, в длинном пальто, с авоськой, из которой торчали коричневые макароны, бабушка Волк казалась на первый взгляд той старушкой, про которую сказано «божий одуванчик». Но дунуть на этот одуванчик никто не решался, и особенно мы с Кренделем, потому что бабушка Волк глядела за нами. Когда родители уезжали на Север, они договорились с бабушкой, что она за нами приглядит. Собственных родственников у неё не было, всю жизнь она глядела за чужими и достигла в этом деле таких вершин, что за нами уже глядела почти не глядя.

Войдя во двор, бабушка придирчиво осмотрела Жильца, и тот поперхнулся. Остатки музыки, как мыльные пузыри, улетели в небо.

Выставив указательный палец им вдогонку, бабушка Волк сказала:

- Пакуйтесь!
- Что такое? – заволновались жилыцы.
- Снесут через неделю! Пакуйтесь и увязывайтесь.
- Старое на слом! – крикнул дядя Сюва. – Надо дать дорогу новому!
- А ты, Крендель, – сказала Райка, – продавай голубей, пока не поздно.
- Пакуйтесь! – в последний раз сказала бабушка и напра-

вилась к первому подъезду, как бы собираясь немедленно паковаться.

– По машинам! – крикнул дядя Сюва.

Хлопнув парадной дверью, бабушка вошла в подъезд. Со двора слышно было, как она нажала кнопку – и лифт загремел, опускаясь на первый этаж. Бабушка грохнула дверью лифта, нажала другую кнопку, лифт завыл, медленно поднимаясь вверх. Вдруг он прыгнул, закашлял и заглох.

– Опять, – сказал дядя Сюва, прислушиваясь из своего окна. – Опять застрял!

– Энергия кончилась! – крикнула тётя Паня.

– При чём здесь энергия? Я вам говорю: старое на слом, а вы не верите.

Дядя Сюва захлопнул окно и раздражённо вышел во двор.

Лифт, в котором сидела бабушка, прочно застрял между вторым и третьим этажами, и несколько минут мы бегали с этажа на этаж, стучали в двери ногами и нажимали кнопки. Постепенно в подъезде собрались жильцы, которые кричали и волновались.

– Надо звонить в лифтремонт! – кричал кое-кто. – Энергия кончилась.

– При чём здесь энергия? Дом перекосился – вот лифт и заклинивает, – сказал дядя Сюва и ударил в стену кулаком, будто хотел выпрямить маленько дом.

От удара стена дрогнула, лифт дёрнулся, прополз немного и остановился.

– Жми плечом, Кренделёк, – сказал дядя Сюва.

– Бабуля! – крикнул Крендель. – Вы давите кнопку, а мы будем в стены жать.

Дядя Сюва, Крендель и другие жильцы навалились на стену, а я стучал по ней каблуком. В тишине из каменной шахты слышался скрежет, медленно, толчками лифт пополз к третьему этажу.

– Ну! Ну! Ещё немного! – кричал Крендель. Казалось, он двигал лифт силою своей воли.

По сантиметру, по два мы выдавили лифт к третьему этажу.

Крякнув, как утка, железная дверь открылась, бабушка Волк вышла на лестничную площадку.

– Бабуля! – заорал Крендель. – Я уж хотел стены долбить!

– «Стены»! – недовольно повторила бабушка. – Математику тебе надо долбить, а не стены.

– Каникулы же, – растерялся Крендель.

– Хороший ученик и в каникулы смотрит в учебник. Никогда ты не слушаешь старших.

– Да что это вы, бабушка, – заступился дядя Сюва. – Пускай погуляет подросток.

– Тебе легко говорить, – сказала бабушка. – А я глядеть за ним должна. А как я могу глядеть, когда он не слушает старших.

– Почему не слушаю? Я слушаю.

– Это ты-то слушаешь? – сказала Райка.

– Да что вы ко мне привязались! Всё время придирки: «Крендель, так, Крендель, не так».

Голос у него задрожал, он опустил голову и побежал вверх по лестнице, на чердак.

– Стой, Крендель! – крикнула бабушка. – Стой, говорю... Ну вот, видите? Совершенно не слушает старших.

Почему-то в нашем дворе все считали, что Крендель не слушает старших. У него был такой вид – вид человека, который не слушает старших.

Конечно, Крендель понимал, что старших нужно слушать, но делал он это неохотно. Повернётся, бывало, к старшему затылком, прикроет правое ухо плечом и подмигивает мне: пускай, дескать, старшие говорят чего хотят, потерпим немного.

– Другое дело Юрка, вот он старших слушает, – сказала бабушка Волк и погладила меня по голове. – Папа с Севера придет, он тебе моржовый клык привезёт. Хочешь клык?

– Ещё бы, – смутился я. Мне стало немного не по себе.

У меня действительно был такой вид, будто я слушаю старших. Я вытаращивал глаза как можно сильнее и глядел на старшего не отрываясь, как будто я слушаю, а на самом деле я не слушал их никогда. Но зато я слушал Кренделя.

Вот и сейчас я стоял в подъезде, кивал головой, а сам прислушивался к тому, что происходит на голубятне.

Я слышал, как ботинки Кренделя прогрохотали по железной крыше, закрипели дверцы буфета и тут же раздался крик.

Вздрогнула Райка, а дядя Сюва распахнул лестничную форточку и крикнул:

– Кто кричал?

И тётя Паня ответила со своего этажа:

– Голубей-то у Кренделя всех свистнули.

Над городом

И каких же только голубей не бывает на свете! Удивительно, сколько вывели люди голубиных пород:

монахи,
почтари,
космачи,
скандароны,
чеграши,
грачи,
бородуны,
астраханские камыши,
воронежские жуки,
трубачи-барабанщики.

Можно продолжать без конца и всё равно кого-нибудь позабудешь, каких-нибудь венских носарей.

И это ведь только домашние голуби. Диких тоже хватает. В наших лесах живут витютень, горлица, клинтух.

«Клинтух» – вот серьёзное, строгое слово.

В нём вроде бы и нет ничего голубинового. Но скажи «клинтух» – сразу видишь, как летит над лесом свободный стремительный голубь.

Клинтух – вот голубь, в котором больше всего, на мой взгляд, голубинового смысла.

Ранней весной в сосновом бору слышится глухой ворча-

щий звук. Кажется, журчит самый могучий и нежный весенний ручей, но только льётся он с вершины сосны. Это воркует клинтух. Прекрасно оперённой стрелой взлетает он с сосновой ветки, коротко и властно взмахивает крыльями и клином уходит в небо.

В его крыльях серовато-солнечного цвета столько силы, что при случае он уйдёт и от сокола.

И какой же никудышный полёт у городских сизарей! Они только и летают с крыши на тротуар и обратно.

Раз я видел, как стая сизарей перелетела с одной крыши на другую. Один сизарь остался на старом месте, ожидая, видно, что остальные скоро вернутся. Однако они не возвращались. Некоторое время сизарь сидел одиноко, но потом не вытерпел и полетел вслед за стаей, а тут вся стая поднялась и полетела обратно.

Стая и одинокий сизарь встретились в воздухе. Любой другой голубь – монах или почтовый – обязательно выкинул бы фигуру, закрутил бы в небе спираль и примкнул к стае, а сизарю лень было разворачиваться, он лишь взял в сторону и опустился на то место, где только что сидела вся стая. И всё-таки даже сизарь, даже серая ворона или воробей радуют, когда я вижу их, летящих над городом.

Иногда бывает такое настроение, что кажется, даже небо покрыто асфальтом. Но вдруг над неподвижными домами, над железными крышами пролетает сизарь, и сразу глубже, живей становится городское небо.

Среди домашних голубей встречаются иногда невиданные летуны – турманы.

Вот летит над городом турман – чисто, спокойно. Но вдруг складывает крылья и кувыркается. То как подбитый падает турман, то снова становится на прямое крыло. Турман плещется в воздухе, кувыркается от радости, от счастья летать. Турман – это художник, это артист среди голубей.

Таким турманом был Великий Моня – гордость нашего дома и всей Крестьянской заставы, голубь-монах, который жил у нас на голубятне.

Крендель купил его, когда Моня, так сказать, ещё не оперился. А через полгода Тимоха-голубятник, бывший хозяин Мони, уже не мог глядеть в небо без слёз.

Из всех голубиных пород Крендель раз и навсегда выбрал монахов.

– В них гордость видна, – говорил он. – Один чёрный капюшончик на голове чего стоит!

Когда Крендель выпускал голубей – жильцы открывали окна, высовывались в форточки, а дядя Сюва притаскивал на крышу медный таз с водою и, сидя на корточках, глядел в таз, как летают голуби, потому что в небо смотреть было для него ослепительно.

Даже некоторые прохожие останавливались поглядеть, как носится в небе Моня, а те прохожие, которые глядят обычно себе под ноги, – те, конечно, не видели ничего.

Ключ и молоточек

Крендель метался по крыше. Он то шарил в буфете, то опускался на колени и, уткнувшись носом в кровельное железо, начинал изучать следы. Но никаких следов не было пока видно, и на первый взгляд голубятня казалась в полном порядке. Буфет стоял на месте, и можно было подумать, что монахи сами открыли дверцы и отправились полетать. Но открыть дверцы они, конечно, никак не могли. Даже Великий Мونها не смог бы устроить такую штуку. Кроме висячих замков, буфет запирался на восемнадцать крючков с секретом.

Похититель забрался на крышу и, пока бабушка Волк сидела в лифте, а мы долбили стены, отомкнул замки, разгадал все секреты и унёс пятерых монахов.

– След! – крикнул Крендель.

На краю крыши, у водосточной трубы, что-то блестело. Я подумал, что это зеркальный зайчик, но это была пуговица. Серебряная форменная пуговица, на которой шведский ключ перекрестился с молоточком.

– Ключом открыл замки, а молоточком посшибал секреты, – сказал Крендель. – Вот она, первая улика! А Мونها дорогу домой сам найдёт, сам прилетит.

– Ещё бы! – подбадривал я.

– Проклятый вор! Он у меня ещё попляшет!

В волнении Крендель забежал по крыше, заглядывая вниз,

на улицу, как будто немедленно рассчитывал увидеть вора. Пять или шесть прохожих неторопливо шли по переулку. Один из них, без шляпы, выглядел немного подозрительно, оглядывался, то и дело завязывал шнурки ботинок, но сверху, конечно, установить, вор он или нет, было невозможно.

С крыши был виден весь наш переулок. И Красный был виден дом, и Серый, где «Приём посуды», и «Дом у Крантика», рядом с которым из тротуара действительно торчал «крантик» – голубая колодезная колонка. Почти все жильцы для чаю брали воду из «крантика», а водопроводной мыли руки.

В Москве много переулков с хорошими названиями – Жевлюков, Серебрянический или Николо-Воробинский.

Но наш называется лучше всех – Зонточный. Так и написано на нашем доме: «Зонточный». На Красном написано: «Зонтичный», а на «Доме у Крантика» – «Зонтечный».

Интересно сверху, с голубятни, смотреть на наш переулок. Вот стоит на тротуаре бабушка Волк, вот и дядя Сюва набирает воду из «крантика», вот вышел из Красного дома Тимоха-голубятник.

– Стоп! – сказал Крендель. – Это – Тимоха! Тимоха-голубятник из Красного дома! Он украл голубей! И пуговица его!

Да, в нашем переулке Тимоха был самый отъявленный голубятник. У него и так было штук тридцать голубей, а ему хотелось, чтобы их становилось всё больше. Бывало, как увидит голубя, весь дрожит и крошки из кармана сыплет.

– Это он! – сказал Крендель. – И пуговица его! Ведь он же пэтэушник. А у них тоже такие пуговицы! Форменные!

Крендель бегал по краю крыши, как коршун заглядывал вниз, будто хотел кинуться и накрыть Тимоху.

– Это пэтэушная пуговица! – закричал он. – А ну-ка пойдём поговорим.

И мы скатились по лестнице во двор, выскочили через подворотню на улицу.

– Куда это вы? – крикнула вдогонку бабушка Волк. – Крендель, назад!

– Проклятый вор! – ответил Крендель. – Он у меня ещё попляшет.

А я ничего не сказал, а про себя подумал: «Ещё бы».

Тимоха-голубятник

– Да не брал я твоих голубей, Кренделёк! – закричал Тимоха, как только нас увидел. – И что это такое! Как только у кого крадут голубей – сразу думают на меня!

– Проклятый вор! Ты у меня ещё попляшешь!

Я заволновался, когда увидел, какой оборот сразу приняло дело. Мне казалось, что Крендель должен начать разговор деликатно, немного издалека, а он сразу взял быка за рога.

– Да не брал я твоих голубей! Я и в училище отличник, разве я стану красть?

Тогда Крендель подошёл к Тимохе поближе и сказал:

– Не брал?

– Не брал я твоих голубей, Кренделёк, не брал.

– А отчего у тебя глаза бегают?

– От волнения, – сказал Тимоха. – И что это такое! Как только у кого крадут голубей – сразу ко мне. А я и в школе был отличник, и в училище. Ну зачем мне красть?

– И в школе, говоришь, отличник! А это что такое, гражданин? – И Крендель прямо под нос Тимохе сунул блестящую пуговицу.

– Да не знаю я, что это такое! – закричал Тимоха, глядя на пуговицу одним глазом.

– Не знаешь! А не у вас ли в пэтэу такие штуки на форме носят, а после оставляют на месте преступления?

– Ты что, Кренделёк! Да у нас вообще никакой формы нету. Ходим, как люди: в брюках и пальто.

– Как люди, говоришь! Проклятый вор! А отчего на тебе шапка горит?!

И тут я поглядел на Тимоху и увидел, что из-под шапки у него прямо дым валит и она вот-вот воспламенится.

– От волнения же! – сказал Тимоха. – Это – пар, понимаешь? Пар идёт от волнения. А мы, как люди, ходим, Крендель, нет у нас таких пуговиц. Да ты сам подумай, ну зачем мне твои голуби? Ну как бы я стал их гонять? Ведь Моньку каждая собака знает.

– Ты давно уж к Моньке приглядываешься!

– У меня Тучерез не хуже Моньки.

– Тучерез не хуже Моньки? От Моньки у твоего Тучереза башка закружится, дуборез!

– Тучерез дуборез??? – сказал Тимоха, внезапно бледнея. – Монька твой – кило пшена!

Крендель побагровел.

– Кто кило? – закричал он. – Ну, пэтэушник! Ты у меня сейчас попляшешь!

Крендель уж подбоченился, становясь в позу, подходящую для пляски, как вдруг какой-то неизвестный человек вклинился между ним и Тимохой.

– А ну-ка спокойно! Разойдись! Сейчас милицию позову! Товарищ милиционер! Товарищ милиционер!

И Крендель отскочил, и Тимоха отодвинулся в сторону. Бледные и красные, они стояли поодаль друг от друга и тяжело дышали. Неизвестный тихонько засмеялся и пошёл своей дорогой.

Мы и не посмотрели ему вслед. И зря не посмотрели, потому что этот неизвестный никогда бы в жизни не позвал милиционера. Это и был Похититель.

Следы в подъезде

Тётя Паня, дядя Сюва и бабушка Волк сидели под американским клёном, играя в «козла».

– Рыба! – крикнула тётя Паня и крепко ударила костью по столу.

– Какая такая рыба? – прищурился дядя Сюва, разглядывая фигуру, выложенную на столе из косточек домино, действительно слегка похожую на чёрный рыбий скелет. – Какая такая рыба! Окунь или голавль?

– Эх, – вздохнула бабушка Волк, – сейчас бы селедочки баночной.

– Зря я на Тимоху налетел, – сказал Крендель.

– Ещё бы, – ответил я.

– Тимоха здесь ни при чём. Тут замешан кто-то другой.

– Свой у своего красть не будет, – сказала тётя Паня. – Это кто-то чужой.

– Конечно чужой, – сказал дядя Сюва. – Свой красть

не будет. Только кто – вот вопрос.

– Как это кто! – крикнула из окна Райка. – У нас в доме все свои, кроме одного.

– Кого?

– «Кого-кого»! Того сундука в плаще из двадцать девятой квартиры. Живёт один, как сыч, в двух комнатах и платит за них такие деньги, какие нам не снились.

– Раиса, – сказала бабушка Волк, – а кто ему готовит первое и второе?

– Да никто ему не готовит! Кому он нужен!

– А деньги откуда берёт?

– «Откуда-откуда»! – ответила Райка. – Хитит.

– Да что это вы, – сказал дядя Сюва. – Чего навалились на человека? Он меня так за душу брал. «Берёзкой».

– Да тебя кто хочешь за душу возьмёт.

– Ну да! – обиделся дядя Сюва. – У меня знаешь какая душа! Не то что у тебя. У меня душа широкая.

– Постойте! – закричала тётя Паня. – Я ведь видела. Вчера он лазил на крышу и крутился возле голубятни.

– Крутился?

– Что-то вынюхивал под буфетом.

– Вынюхивал?! – сказал Крендель. – Что же он вынюхивал? А ну пойдём поглядим на этого нюхаря.

– Валяйте-валяйте, – сказала Райка. – Настала пора вывести кое-кого на чистую воду.

Крендель кивнул мне и решительно направился к третьё-

му подъезду. Он явно торопился. Мне казалось, что нельзя так сразу в лоб браться за дело. Надо бы разузнать, разведать, что к чему, но Крендель уж вошёл в подъезд и сразу стал рассматривать следы.

На каменных лестничных ступеньках за долгие годы накопилось так много следов, что ступеньки просели, протёр-

лись, покривились под их тяжестью. Кроме следов, повсюду валялись улики: окурки, корки апельсина, старые трамвайные билеты.

Мы поднялись на второй этаж и остановились у двери, на которой была выведена цифра: 29. Дерматиновая обивка местами разорвалась, из дыр высывалась пакля махорочного цвета. Рядом с дверью торчал из стены небольшой пропеллер, вокруг которого по бронзовой пластинке вилась надпись: «ПРОШУ КРУТИТЬ».

Это и был звонок в квартиру. Под ним висела бумажная табличка: «Николай Эхо. Крутить 1 раз».

– Только приехал, а уж табличку повесил, – пробурчал Крендель, хотел крутануть звонок, но отдёрнул руку.

Я внимательно посмотрел на звонок, а надо было смотреть не на звонок, а на пол.

На полу, у самой двери, лежало голубиное перо.

Сон жильца

Жилец из двадцать девятой квартиры в этот момент прямо в брюках лежал на кровати. Он спал, и ему снился сон, будто он идёт по переулку, а навстречу – Райка Паукова.

«Рая, я хочу мороженого», – говорит ей будто бы Жилец.

А Райка отвечает:

«Уважаемый Жилец, хотите крем-бруле?»

И вот он будто бы начинает хотеть «крем-бруле», а Райка говорит:

«Уважаемый Жилец, а кто вам готовит первое и второе?»

А Жилец отвечает:

«Никто. Я один на этом свете».

А Райка говорит:

«Да заходите же вы ко мне. У меня курица на газу».

А Жилец и говорит:

«Я только об этом и мечтаю».

И Райка только открыла рот, чтоб сказать Жильцу ещё что-нибудь приятное, но тут он проснулся, потому что в дверь кто-то сильно стучал.

Жилец поднялся, накинул пиджак и, приоткрыв парадную дверь, улыбнулся:

– А, музыканты, прошу, пожалуйста. Можете заходить.

– А чего нам заходить, – ответил Крендель. – Нам заходить нечего.

– Вот тебе раз, – сказал Жилец. – Да заходите же, раз пришли.

– А чего нам заходить, – повторил Крендель, проходя в комнату. – Нам заходить нечего.

В пасмурной комнате Жильца Крендель помрачнел и был похож сейчас на слесаря-сантехника, которого вызвали чинить умывальник. Неприятливо глядел он на измятую кровать, на ботинок, который стоял у кровати, и на другой ботинок, отошедший от первого на несколько шагов.

– Вот видите, – сказал Жилец. – Живу монах монахом. Один как перст.

– Монахом? – спросил Крендель.

– Да, – подтвердил Жилец. – Монах монахом.

– Как же это?

– А так. Один в двухкомнатной квартире и во всём мире. Так что близкого существа не имею. А ты один живёшь или нет?

– Я? – удивился Крендель.

– Ты, – подтвердил Жилец.

– Не один я. Вон Юрка – брат, да мама с папой на Севере.

– Ерунда всё это, – сказал Жилец. – Мираж.

– Как это так! У меня и мать, и отец, и бабушка Волк, да в школе приятели, в голубином клубе, да вон Юрка-брат.

– И Юрка-брат, и мать, и отец, а всё равно один ты на этом свете. Понимает ли тебя кто-нибудь?

– Да вон Юрка-то брат, – сказал Крендель, показывая

на меня. – Чего ж ему не понять?

– До глубины души понимает он тебя, Юрка-то брат? – допытывался Жилец.

– А чего ж ему не понять?

Я ему головой киваю: ещё бы, дескать.

– Нет, милый, – сказал Жилец. – Не понимает он тебя, и никому тебя не понять – не только Юрке-брату.

Я и вправду ничего не понимал, а только глядел на Жильца.

Но тут Крендель, которого никто не понимает, прищурился, подошёл поближе к Жильцу и сказал:

– Где монахи?

– Какие монахи?

– Которых вы увели.

– Я? Монахов? – вскипел Жилец. – Что вы дурака валяете?!

– А это что такое, гражданин? – сказал тогда Крендель и поднёс к самому носу Жильца голубиное перо.

Жилец слегка покраснел, взял в руки перо, дунул на него и сказал:

– Ах это! Ну, это – виноват.

Четырнадцать подушек

– Виноват, – сказал Жилец, и тут же мне стало стыдно.

Был Жилец как Жилец – Николай Эхо, и до самой последней минуты я был уверен, что он не брал голубей. А теперь, как ни крути, надо было посмотреть ему в глаза.

– Виноват, – повторил Жилец, вздохнул и сел в глубокое кресло.

– Где ж они у вас?

– Сейчас-сейчас, – ответил Жилец. – Они под кроватью.

Крендель упал на колени и заглянул под кровать.

– Что такое? – сказал он. – Здесь ничего нету.

– Как нету? – возразил Жилец, нырнул под кровать и вытащил оттуда плоский деревянный чемоданчик.

– Что это? – вздрогнул Крендель, и глаза его расширились.

– Чемодан, – объяснил Жилец. – Вы уж меня простите великодушно.

Он нажал большим пальцем серебряный замок, и крышка чемоданчика открылась.

– Сожрал! – закричал Крендель. – Всех сожрал, окаянный!

В чемоданчике лежал ворох сизых, белых и коричневых перьев.

– Всех монахов сожрал! – повторил Крендель, и слеза покатила по его лицу.

– Что это вы городите? Не ел я никаких монахов.

– Сlopал, слопал, – твердил Крендель. – Сожрал. По глазам вижу.

– Позвольте, – сказал Жилец, раздражаясь. – Я не ел никаких монахов.

– А это что?

– Перья. И вообще попрошу вас не орать и разговаривать со мной на «вы», а не то живо отсюда вылетите.

– Всех монахов сожрал, – в отчаянии повторил Крендель. – А из перьев хочет подушку сделать!

– Подушку? – изумился Жилец, широко раскрыв свои го-

лубые, оказывается, глаза.

– А что ж ещё? Конечно подушку.

– «Подушку», – повторил Жилец с недоумением и за-
таённой болью, сморщился, задумался, устало потёр лоб. –
Что ж, – сказал он, горько усмехнувшись. – Наверно,
и вправду надо бы сделать подушку. Кому всё это нужно?
Зачем?

Он рассеянно прошёлся по комнате, придвинул стул
к шкафу, обречённо взгромоздился на него.

– Надо сделать подушку. Вы правы, ребята.

Вздыхая, Жилец достал со шкафа четырёхугольный ко-
ричневый предмет, и вправду похожий на подушку, рукавом
обтёр с него пыль и кинул сверху прямо на стол. От тяжкого
удара стол ухнул и присел.

– Вот, – сказал Жилец, – таких подушек у меня четырна-
дцать штук.

Перед нами на столе лежал увесистый и пухлый, в кожу
оплетённый альбом. На обложке его золотом было вытисне-
но:

ПЕРЬЯ ПТИЦ ВСЕГО ЗЕМНОГО ШАРА.
СОБРАЛ НИКОЛАЙ ЭХО.
МОСКВА.

Крендель протянул к альбому руку, открыл обложку –
и мы увидели яркие, веером разложенные перья перепёлок
и кекликов, удонов и уларов, сарычей и орлов. Каждое перо
имело собственный карманчик с надписью вроде: «рулевые

балабана» или «маховые буланого козодоя».

– Птицы летают и роняют перья, – говорил Жилец. – А я хожу и собираю их, ведь каждое перо – это письмо птицы на землю. Вот посмотрите – перо вальдшнепа. На вид скромное, но какой цвет, какая мысль, какое благородство...

– «Какая мысль, какое благородство»! – потерянно повторил Крендель. – А там что, в чемоданчике?

– Ничего особенного, – махнул рукой Жилец. – В основном – сойка, свиристель. Неразобранная часть коллекции. Маховые перья вашего монаха. Вчера подобрал у голубятни. Крендель побелел.

– «Какая мысль, какое благородство»! – бубнил он и пятился к двери. – Вы это... вы уж это... Простите уж...

– Ещё бы, – смущался я.

– Да ладно, чего там, – говорил Жилец, – заходите ещё, о жизни потолкуем, на перья поглядим.

– Ещё бы, ещё бы, – твердил я, глядя на закрывающуюся дверь.

Появление гражданина Никифорова

В переулке фонарей ещё не зажгли. Сумрачно было во дворах, темно в подворотнях.

К вечеру многие жильцы вышли на улицу поболтать, подышать воздухом. Вдаль по всему переулку до Крестьянской заставы, по двое, по трое, кучками, они торчали у ворот и подъездов. У нашего дома собралась даже небольшая толпа: Райка Паукова, бабушка Волк, а с ними знакомые и незнакомые люди из соседних домов и пришлый народ, из Жевлюкова переулка.

Из толпы доносились обрывки слов и разговоров:

– И что ж, их прямо в рясе повели?

– Денег полный чемодан...

– Да разве ж они залезут в корзинку?

– Тьфу! – плюнул Крендель. – Болтают, не зная чего.

Сражённый коллекцией перьев, он увял, устало сел на лавочку под американским клёном.

– Монахов я и новых могу завести, но такого, как Моня, на свете нет.

– Ещё бы, – сказал я.

Крендель вздохнул, обхватил колени руками, сгорбился и сейчас в точности оправдывал прозвище. Он вообще-то был очень высокий, выше меня на три моих головы и на четыре его. Раньше все его звали Длинным, тогда он нарочно

стал горбиться, чтоб быть пониже, тут и стал Крендельком.

– Вот уж в ком было благородство, так это в Моне. В нём была мысль. А как он кувыркался – акробат!

От ворот слышалась какая-то возня, толкотня, народу ещё прибавилось, слышались крики типа: «Нет, постой! Погоди!»

– Крендель! – крикнул кто-то. – Крендель, сюда! Подозреваемого поймали!

Мы выскочили за ворота.

– Вот он! – кричала бабушка Волк. – Вот он, Подозреваемый, – и крепко держала за рукав какого-то гражданина, который отмахивался граблями.

– Кто ты такой? – приставал с другого бока дядя Сюва. – Чего ты тут ходишь? Вынюхиваешь?

– Я – Никифоров, – объяснял Подозреваемый, пытаюсь освободиться. – Иду, ни к кому не прикасаюсь и вдруг – попался.

– Теперь тебе, милый, не отвертеться.

– Не отвертеться, – соглашался гражданин Никифоров. – Попался я наконец.

– Попался, попался, – подтвердила бабушка Волк и толкнула локтем гражданина Никифорова. – Ходит здесь, вынюхивает, где что плохо лежит.

Тут бабушка нарочно носом показала, как именно вынюхивает гражданин Никифоров, и получилось действительно некрасиво.

– Признавайся, ты лазил в буфет?

– Лазил.

– Ну и куда монахов девал?

– Каких монахов?

– Сам знаешь каких.

– Не знаю никаких монахов, – заупрямился покладистый, в общем-то, гражданин. – Надо же мне было зайти в этот переулок. По всем улицам ходил – не попадался.

– Ты нам зубы не заговаривай! – сказала бабушка Волк. – Залез на крышу, грабли свои выставил – и нету голубей.

– Ничего подобного, – снова заупрямился гражданин Никифоров. – Не лазил я на крышу и грабли не выставлял.

– Выставлял, выставлял. Я сама видела. Залез на крышу и давай грабли выставлять, под антенну маскироваться, – сказала бабушка Волк и размахнулась.

Но тут Крендель мягко сказал:

– Бабуля.

– Что ещё? – недовольно обернулась бабушка Волк.

– Бабуля, – повторил Крендель. – Вы же не видели, как он на крышу лазил. Вы в лифте сидели.

– А может, у меня бинокль был! – задиристо сказала бабушка Волк, но тут же замолчала, потому что при чём здесь бинокль.

– При чём здесь бинокль? – сказал гражданин Никифоров. – Вы, мадам, что-то перепутали. Ну, я пошёл.

Он повернулся к нам спиной, вздрогнул и вдруг бросился со всех ног по переулку. Через секунду не было уже нигде видно гражданина Никифорова, и след его простыл. Я даже нарочно пощупал рукою след – да, простыл.

Бегство и страх гражданина Никифорова

Гражданин Никифоров бежал по Крестьянской заставе, и грабли, вытянувшись, летели за ним.

«И зачем я пошёл в этот проклятый переулок! – думал на бегу гражданин. – Только зашёл – сразу попался!»

Нет, гражданин Никифоров не брал голубей, но было у него на совести одно дело, а может быть, даже и два, и, когда бабушка Волк посмотрела пристально, страх сразу просочился в его грудь.

«А ну-ка постой, голубок. А не ты ли лазил в буфет?» – сказала старушка, и тут не то что страх – ужас охватил гражданина.

Ведь, конечно, это он, конечно, он лазил в буфет, но не в тот, что стоял на крыше. Гражданин Никифоров лазил совсем в другой буфет. Правда, это случилось два года назад, и буфет этот был в городе Карманове, и с тех пор гражданин ни в какие буфеты не лазил – и всё-таки сейчас смертельно перепугался. Он мигом представил, как его тащат в милицию и отбирают грабли.

«И всего-то один раз, — подумал на бегу гражданин. — Всего раз залез я в буфет. Да и взял-то мало: пять кило колбасы, две банки сгущёнки, торт. И вот теперь мучаюсь всю жизнь. Другие больше берут. По шесть кило берут и не боятся».

Впрочем, гражданин боялся не только милиции, он боялся звонить по телефону, купаться, ездить на лифте, боялся, что кукушка мало ему накукует, и даже боялся падения метеоритов.

Но это я даже могу понять.

Как-то вечером, когда в небе зажглись звёзды, мы с Кренделем бродили у Крутицкого теремка. Рядом строился дом, повсюду навалены были огромные катушки, трубы, кирпичи. В тот вечер было много падающих звёзд. Они то и дело

разрезали тёмное небо над Москвой-рекой.

Вдруг на заборе, за которым торчал подъёмный кран, я увидел плакат:

БОЙСЯ ПАДЕНИЯ МЕТЕОРИТОВ!

В ту ночь снились мне страшные сны: Земля сталкивалась с Луною, метеориты вонзались в асфальт, и я метался по Крестьянской, спасаясь от небесных тел. Утром я снова пошёл на стройку.

При дневном свете плакат читался по-другому:

БОЙСЯ ПАДЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ!

Честно сказать, я понимаю и тех людей, которые боятся ездить на лифте. Едешь на лифте, а он вдруг застрял! Сердце уходит в пятки, начинаешь метаться и кричать: «Я застрял! Я застрял!»

А лифт ни с места. Страшно.

Страшно было гражданину Никифорову. Он бежал, и грабли, вытянувшись, летели за ним.

Телевизоры и монахи

На улице окончательно стемнело. Огненное слово «Рубин» зажглось над кинотеатром, багровым огнём озарило лица прохожих.

У забора, на котором наклеены были афиши, стоял человек с граблями. Ему хотелось пойти в кино, но сделать он это не решался и, главное, не знал, куда девать грабли.

Прохожие обходили его, топтались у афиш, толпились у касс кинотеатра, курили, толкали друг друга, не извиняясь. Одна девушка поглядела на грабли, засмеялась, побежала к кассе. Гражданин хотел было бежать за ней, но грабли его не пустили, и он остановился, мечтая о граблях, которые складывались бы, как удочка.

Долго стоял он на одном месте и глядел, как вспыхивают в окнах домов тёплые абажуры, как дрожит за шторами что-то неверное и голубое.

– Телевизоры смотрят, – угадывал гражданин.

За таким телевизионным окном в мягком кресле сидел человек. Это и был Похититель.

Над головою его на стене висели портреты киноактрис, наших и зарубежных, у ног стоял плетённый садок с голубями-монахами, а прямо перед ним сияли экраны трёх телевизоров. Похититель смотрел сразу три программы. Надо отметить, что в этот вечер по одной программе передавали

«Артлото», по другой – «Спортлото», по третьей – «А ну-ка, мальчики».

«Как хорошо иметь три телевизора, – размышлял Похититель. – Ничто не проходит мимо твоих глаз. Да, телевизор – полезная штука».

Похититель повёл глазами слева направо по всем трём экранам, потом справа налево и тут наткнулся взглядом на садок с голубями.

– Ну вот, – сказал он сам себе. – То, к чему давно стремился – достиг. С голубями больше дела не имею. Целиком переключаюсь на телевизоры. Голубей-то похищать просто, а чтоб свистнуть телевизор, надо быть немножко художником. Вещь хрупкая, громоздкая, задел экраном за дверную ручку – и привет.

Похититель встал, подошёл к зеркалу, которое висело среди портретов киноактрис. Ему было приятно увидеть иногда себя в окружении красавиц всех стран и континентов. Он тогда казался себе знаменитым киноактёром и строил всевозможные гримасы – то нахмуривал брови, выпятив вперёд подбородок, то, наоборот, подбородок убирал назад, а бровями играл, как морскою волной, то вдруг шевелил подбородком справа налево, восхищаясь собственной красотой.

Оглядевши своё лицо, Похититель остался им недоволен. Очень уж грубым и мрачным казалось оно. Такое лицо надо было развеселить, и он подмигнул сам себе, а потом и спросил сам у себя, глядясь в зеркало:

- Куда монахов девать будешь, рожа?..
- А загоню их, голубчиков, на Птичьем рынке!..
- А дорого ли возьмёшь?..
- Рублика по два – вот червончик и набежит.
- Такой симпатичный – так дорого просишь, – укорял себя

Похититель.

- Что поделаешь – нынче каждый рубль в почёте...
- Рубль-то в почёте, да голубь подешевел...
- Надобно торговать с умом.
- А на то мне и ум дан.

Тут Похититель рассмеялся, довольный разговором с самим собой. И все актрисы на стенах – показалось Похитите-

лю – тоже позасмеялись. Но смеялись в основном зарубежные киноактрисы, наши смотрели на это дело довольно хмуро.

– Ну ладно, хватит, – сказал Похититель, обрывая неуместный смех. – За дело.

Он решительно выключил телевизоры, из письменного стола достал канцелярскую книгу, на обложке которой было написано: «Краткая опись моих преступных деяний».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.